

85769

ЕВГЕНІЙ
ОНЪГИНЪ.

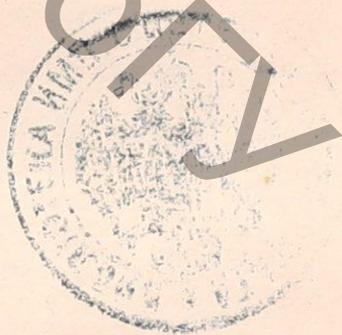
ГЛАВА ТРЕТІЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1827.

К 191 С 176

ЕВГЕНІЙ ОНЪГИНЪ.

1913

BRITISH ORIENTAL

81769

ЕВГЕНІЙ ОНЪГИНЪ,

РОМАНЪ ВЪ СТИХАХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

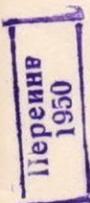
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1827.

65887/

51752

ЕВГЕНИЙ ОНУФРИЙ

РОМАНЪ ВЪ СТИХАХЪ

СОДЕРЖАНИЕ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА

Съ дозволенія Правительства.

САМАРИТЯНИ

ВЪ УЧЕБНОМЪ АКАДЕМИИ ИМПЕРАТОРСКОГО

ПРОСВЕЩЕНИЯ

1857

2288

1850
1851
1852

Императорская
Библиотека
№ 12. 1857

Первая глава Евгения Онегина, написанная въ 1823 году, появилась въ 25. Спустя два года, издана вторая. Эта медленность произошла отъ постороннихъ обстоятельствъ. Отнынѣ изданіе будетъ слѣдовать въ непрерывномъ порядкѣ: одна глава тотчасъ за другою.

1916

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Книжка

Elle était fille, elle était amoureuse.

К 1916 С

ЕВГЕНІЙ ОНЪГИНЪ.

—*—

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

I.

« Куда? Ужь эши мнѣ поэшы! »

— Прощай, Онъгинъ, мнѣ пора.

« Я не держу себя; но гдѣ ты

« Свои проводишь вечера? »

— У Лариныхъ. — « Вошь эшо чудно.

Помилуй! и шебѣ не шрудно

Тамъ каждый вечеръ убивашь? »

— Ни мало. — « Не могу понятьъ.

Опсель вичу, что такое:
 Впервыхъ (слушай, правь-ли я?),
 Просная, руская семья,
 Къ гостямъ усердіе большое,
 Варенье, вѣчный разговоръ
 Про дождь, про лень, про скопный дворъ...»

II.

— Я шуть еще бѣды не вичу.
 « Да скука, вошь бѣда, мой другъ. »
 — Я модный свѣшъ вашъ ненавижу;
 Милѣ мнѣ домашній кругъ,
 Гдѣ я могу.... — « Опяшь эклога!
 Да полно, милый, ради Бога.
 Ну чтожь? шы ѣдешъ: очень жаль.
 Ахъ, слушай, Ленской; да не лзяль
 Увидѣшь мнѣ Филлиду эшу,
 Предмешъ и мыслей, и пера,

И слезь, и приемъ et cetera?
 Представь меня.»—Ты шушишь.—«Нѣшу.»
 — Я радъ.— «Когдаже?» — Хоть сей часъ.
 Онъ съ охотой примушь насъ.

III.

Поѣдемъ. —

Поскакали други,
 Явились; имъ распочены
 Порой шяжелыя услуги
 Госпепримной старины.
 Обрядъ извѣстный угощенья:
 Несушь на блюдечкахъ варенья,
 На споликъ спавяшь воцаной
 Кувшинъ съ брусничною водой.

IV.

Они дорогой самой крапкой
 Зимой лешяшь во весь опоръ.
 Теперь подслушаемъ украдкой
 Героевъ нашихъ разговоръ.

— Ну чшожь, Онѣгинъ? пы зъвась. —
 « Привычка, Ленской. » — Но скучась
 Ты какъ-по больше — « Нѣшь, равно.
 Однако въ полѣ ужъ шемно;
 Скорѣй! пошоль, пошоль, Андрюшка!
 Какія глупыя мѣста!
 А, кешаши: Ларина прѣста,
 Но очень милая спарушка;
 Боюсь: брусничная вода
 Мнѣ не надѣлала бь вреда.

V.

Скажи: кошорая Ташьяна? »
 — Да ша, кошорая, грушна

И молчалива какъ Свѣшлана,
 Вошла и сѣла у окна. —
 « Не ужь-по шы влюбленъ въ меншую? »
 — А чшо? — « Я выбрала бы другую,
 Когда бь я была какъ шы поэшъ.
 Въ чершахъ у Ольги жизни нѣшь,
 Какъ у Вандиковой Мадонь:
 Кругла, красна лицомъ она,
 Какъ эша глупая луна
 На эшомъ глупомъ небосклонѣ. »
 Владимірь сухо ошвѣчалъ
 И послѣ во весь пушь молчалъ.

VI.

Межь шѣмъ Онѣгина явленье
 У Лариныхъ произвело
 На всѣхъ большое впечатлѣнье
 И всѣхъ сосѣдей развлекло.

Пошла догадка за догадкой.
Всѣ спали полковашъ украдкой,
Шушишь, судишь не безъ грѣха,
Ташьянѣ прочишь жениха;
Иные даже утверждали,
Что свадьба слажена совсѣмъ,
Но остановлена за шѣмъ,
Что модныхъ колець не достали.
О свадьбѣ Ленскаго давно
У нихъ ужь было рѣшено.

VII.

Ташьяна слушала съ досадою
Такія сплешни; но шайкомъ
Съ неизьяснимою оспрадой
Невольно думала о шомъ;
И въ сердце дума заронилась;
Пора пришла, она влюбилась.

Такъ въ землю падшее зерно
 Весны огнемъ оживлено.
 Давно ея воображенье,
 Сгарая нѣгой и шоской,
 Алкало пици роковой;
 Давно сердечное помленье
 Тѣснило ей младую грудь;
 Душа ждала... кого нибудь,

VIII.

И дождалась. Открылись очи;
 Она сказала: эшо онъ!
 Увы! шеперь и дни и ночи,
 И жаркй одинокй сонъ,
 Все полно имъ; все дѣвѣ милой
 Безъ умолку волшебной силой
 Твердишь о немъ. Докучны ей
 И звуки ласковыхъ рѣчей,

И взоръ заботливой прислуги.
Въ уныніе погружена,
Гостей не слушаешь она,
И проклинаешь ихъ досуги,
Ихъ неожиданный прїездъ
И продолжишельный прїездъ.

IX.

Теперь съ какимъ она вниманьемъ
Читаешь сладосный романъ,
Съ какимъ живымъ очарованьемъ
Пьешь обольстительный обманъ!
Щасливой силою мечшанья
Одушевленные созданья,
Любовникъ Юліи Вольмаръ,
Малежъ-Адель и де Линаръ,
И Вершеръ, мученикъ мяшежной,
И безподобный Грандисонъ,

Который намъ наводишь сонъ,
 Всѣ для мечшательницы нѣжной
 Въ единой образъ облеклись,
 Въ одномъ Онѣгинѣ слились.

X.

Воображался героиней
 Своихъ возлюбленныхъ пворцовъ,
 Кларисой, Юліей, Дельфиной,
 Ташьяна въ шиниѣ льсовъ
 Одна съ опасной книгой бродишь,
 Она въ ней ищешь и находишь
 Свой тайный жаръ, свои мечты,
 Плоды сердечной полнощы,
 Вдыхаешь, и себѣ присвоя
 Чужой восшоргъ, чужую грусть,
 Въ забвеньи шепчешь наизусть
 Письмо для милаго героя...

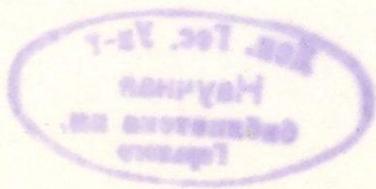

65881

Но нашъ герой, кто бъ ни былъ онъ,
Ужъ вѣрно былъ не Грандисонъ.

XI.

Свой слогъ на важный ладъ наспроя,
Бывало, пламенный шворецъ
Являлъ намъ своего героя
Какъ совершенства образецъ.
Онъ одарялъ предметъ любимый,
Всегда неправедно гонимый,
Душой чувствительной, умомъ
И привлекательнымъ лицомъ.
Пишя жаръ чистѣйшей спраси,
Всегда воспроизженный герой
Готовъ былъ жертвовать собой,
И при концѣ послѣдней части
Всегда наказанъ былъ порокъ,
Добру достойный былъ вѣнокъ.

XII.

А нынче всё умы въ шуманъ ,
 Мораль на насъ наводишь сонъ ,
 Порокъ любезень и въ романъ ,
 И шамъ ужъ поржешшвуешь онъ.
 Бришанской музы небылицы
 Тревожашъ сонъ опроковицы ,
 И спаль щеперь ея кумиръ
 Или задумчивый Вампиръ ,
 Или Мельмошъ , бродяга мрачной ,
 Иль вѣчный жидъ , или Корсаръ ,
 Или шаинсшвенный Сбогаръ .
 Лордъ Байронъ прихошью удачной
 Облекъ въ унылый романшизмъ
 И безнадежный эгоизмъ .

XIII.

Друзья мои , чпожь полку въ эпюмъ ?
 Бышь можешъ , волею небесъ ,

Я перестану бышь поэтомъ,
 Въ меня вселился новый бѣсъ,
 И Фебовы презрѣвъ угрозы,
 Унижусь до смиренной прозы;
 Тогда романъ на спарый ладъ
 Займешь веселый мой закашъ.
 Не муки шайныя злодѣйства
 Я грозно въ немъ изображу,
 Но просто вамъ перескажу
 Преданья рускаго семейства,
 Любви плѣнительные сны,
 Да нравы нашей спарины.

XIV.

Перескажу простыя рѣчи
 Ошца иль дяди спарика,
 Дѣшей условленныя въспрѣчи
 У спарыхъ липъ, у ручейка;

Нещасной ревности мученья,
 Разлуку, слезы примиренья,
 Поссорю вновь и наконецъ
 Я поведу ихъ подъ вѣнецъ...
 Я вспомню рѣчи нѣги снрашной,
 Слова поскующей любви,
 Кошорья въ минувши дни
 У ногъ любовницы прекрасной
 Мнѣ приходили на языкъ,
 Опъ коихъ я шеперь ошвыкъ.

XV.

Ташьяна, милая Ташьяна!
 Съ шобой шеперь я слезы лью,
 Ты въ руки моднаго пирана
 Ужь опдала судьбу свою.
 Погибнешь, милая; но прежде
 Ты въ ослѣпительной надеждѣ

Блаженство шемное зовешь,
 Ты нѣгу жизни узнаешь,
 Ты пьешь волшебный ядъ желаній,
 Тебя преслѣдуютъ мечпы:
 Вездѣ воображаешь пы
 Приюты щасливыхъ свиданій;
 Вездѣ, вездѣ передъ побой
 Твой искусилель роковой.

XVI.

Тоска любви Ташьяну гонитъ,
 И въ садѣ идешь она груститъ,
 И вдругъ недвижны очи клонитъ,
 И лѣнь ей далѣе спушитъ.
 Приподнялася грудь, ланишы
 Мгновеннымъ пламенемъ покрышы,
 Дыханье замерло въ усахъ,
 И въ слухъ шумъ, и блескъ въ очахъ...

Наспанеть ночь ; луна обходитьъ
 Дозоромъ дальный сводъ небесъ ,
 И соловей во мглахъ древесъ
 Напѣвы звучные заводитъ .
 Тахьяна въ шемношѣ не спитъ
 И тихо съ няней говоритъ :

XVII.

« Не спится , няня : здѣсь такъ душно !
 Открой окно , да сядь ко мнѣ . »
 — Чшо, Таня, чшо съ тобой? — « Мнѣ скучно,
 Поговоримъ о спаринѣ . »
 — О чемъ же, Таня ! Я , бывало ,
 Хранила въ памяти не мало
 Спаринныхъ былей , небылицъ
 Про злыхъ духовъ и про дѣвицъ ;
 А нынѣ все мнѣ шемно , Таня :
 Чшо знала , шо забыла . Да ,

Пришла худая череда!
 Зашибло... — « Разскажи мнѣ, няня,
 Про ваши спарые года:
 Была шы влюблена шогда? »

XVIII.

— И, полно, Таня! Въ эши лѣша
 Мы не слыхали про любовь;
 А шо бы согнала со свѣша
 Меня покойница свекровь. —
 « Да какъ же шы вѣчалась, няня? »
 — Такъ, видно, Богъ велѣлъ. Мой Ваня
 Моложе былъ меня, мой свѣшъ,
 А было мнѣ шринадцашъ лѣшъ.
 Недѣли двѣ ходила сваха
 Къ моей роднѣ, и наконецъ
 Благословиль меня ошець.
 Я горько плакала со спраха;

Мнѣ съ плачемъ косу расплели,
 Да съ пѣньемъ въ церковь повели.

XIX.

И вошь ввели въ семью чужую....

Да ты не слушаешь меня... —

« Ахъ, няня, няня, я поскую,

Мнѣ пошно, милая моя:

Я плакашь, я рыдашь гопова!.... »

— Дитя мое, ты нездорова;

Господь помилуй и спаси!

Чего ты хочешь, попроси...

Дай окроплю свяпой водою,

Ты вся горишь... — « Я не больна:

Я... знаешь, няня,... влюблена. »

— Дитя мое, Господь съ шобою! —

И няня дѣвушку съ мольбой

Кресшила дряхлою рукой.

XX.

« Я влюблена, » шепшала снова
 Спарушкѣ съ горесшью она.
 — Сердечный другъ, ты нездорова. —
 « Оспавь меня: я влюблена. »
 И между тѣмъ луна сіяла
 И темнымъ свѣсомъ озаряла
 Тащьяны блѣдныя красы,
 И распушенныя власы,
 И капли слезъ, и на скамьѣхъ
 Предъ героиней молодой,
 Съ плапкомъ на головѣ сѣдой,
 Спарушку въ длинной тѣлогрѣхъ;
 И все дышало въ шпшинѣ
 При вдохновишельной лунѣ.

XXI.

И сердцемъ далеко носилась
 Тащьяна, смошря на луну..

Вдругъ мысль въ умѣ ея родилась...
 « Поди, оставь меня одну.
 Дай, няня, мнѣ перо, бумагу,
 Да споль подвижь ; я скоро лягу ;
 Проспи. » И вопшь она одна.
 Все шихо. Свѣшипшь ей луна.
 Облокопясь, Тапьяна пишешь,
 И все Евгенийъ на умѣ,
 И въ необдуманномъ письмѣ
 Любовь невинной дѣвы дышешь.
 Письмо гошово, сложено...
 Тапьяна! для когожь оно?

XXII.

Я зналъ красавиць недоспунныхъ,
 Холодныхъ, чистыхъ какъ зима;
 Неумолимыхъ, неподкупныхъ,
 Непоспижимыхъ для ума;

Дивился я ихъ спѣси модной,
 Ихъ добродѣтели природной,
 И признаюсь, опъ ихъ бѣжалъ,
 И мнился съ ужасомъ чипаль
 Надъ ихъ бровями надпись ада:
 Оставь надежду навсегда.
 Внушашъ любовь для нихъ бѣда,
 Пугашъ людей для нихъ ограда.
 Бышь можешъ, на берегахъ Невы
 Подобныхъ дамъ видали вы.

XXIII.

Среди поклонниковъ послушныхъ
 Другихъ причудницъ я видалъ,
 Самолюбиво равнодушныхъ
 Для вздоховъ спраспныхъ и похвалъ.
 И чшожь нашель я съ изумленьемъ?
 Онъ суровымъ поведенъемъ

Пугая робкую любовь,
 Ее привлечь умѣли вновь,
 По крайней мѣрѣ, сожалѣемъ,
 По крайней мѣрѣ, звукъ рѣчей
 Казался иногда нѣжнѣй,
 И съ легковѣрнымъ ослѣпленемъ
 Опяшь любовникъ молодой
 Бѣжалъ за милой суешой.

XXIV.

За чтожь виновнѣ Татьяна?
 За толь, что въ милой простотѣ
 Она не вѣдаетъ обмана
 И вѣришь избранной мечтѣ?
 За толь, что любить безъ искусства,
 Послушная влеченю чувства,
 Что шакъ довѣрчива она,
 Что ошъ небесь одарена

Воображеніемъ мяжежнымъ,
 Умомъ и волею живою,
 И своенравной головой,
 И сердцемъ пламеннымъ и нѣжнымъ?
 Ужели не проспише ей
 И легкомыслія спрасшей?

XXV.

Кокешка судишь хладнокровно,
 Тапьяна любишь не шуя
 И предаешься безусловно
 Любви, какъ милое дитя.
 Не говоришь она: опложимъ;
 Любви мы цѣну шѣмъ умножимъ,
 Вѣрнѣе въ сѣпи заведемъ;
 Сперва щеславіе кольнемъ
 Надеждой, шамъ недоумѣнемъ
 Измучимъ сердце, а пошомъ

Ревнивымъ оживимъ огнемъ ;
 А шо , скучая наслажденьемъ ,
 Невольникъ хипрый изъ оковъ
 Всечасно вырвашься гошовъ .

XXVI.

Еще предвижу затрудненье :
 Родной земли спасая чесь ,
 Я долженъ буду , безъ сомнѣнья ,
 Письмо Тапьяны перевестъ .
 Она поруски плохо знала ,
 Журналовъ нашихъ не чипала ,
 И выражалася съ шрудомъ
 На языкъ своемъ родномъ ,
 И шакъ писала пофранцузски . . .
 Чшо дѣлашь ! повшоряю вновь :
 Донынѣ дамская любовь
 Не изьяснялася поруски ,

Донынѣ гордый нашъ языкъ
Къ почтовой прозѣ не привыкъ.

XXVII.

Я знаю: дамъ хопяпъ заставитъ
Чипашъ поруски. Право, страхъ!
Могу ли ихъ себѣ представитъ
Съ Благонамѣреннымъ въ рукахъ!
Я шлюсь на васъ, мои поэмы;
Не правда ли? милые предметы,
Которымъ, за свои грѣхи,
Писали вшайнѣ вы стихи,
Которымъ сердце посвящали,
Не всѣ ли, рускимъ языкомъ
Владѣя слабо и съ шрудомъ,
Его шакъ мило искажали,
И въ ихъ ушахъ языкъ чужой
Не обратился ли въ родной?

XXVIII.

Не дай мнѣ Богъ сойшись на балѣ
 Иль при разѣздѣ на крыльцѣ
 Съ семинаристомъ въ желшой шалѣ
 Иль съ академикомъ въ чепцѣ!

Какъ успѣ румяныхъ безъ улыбки,
 Безъ грамматической ошибки
 Я русской рѣчи не люблю.

Бышь можешь, на бѣду мою,
 Красавицъ новыхъ поколѣнье,
 Журналовъ внявъ молящій гласъ,
 Къ грамматикѣ приучишь насъ;
 Спихи введишь въ употребленье:
 Но я.... какое дѣло мнѣ,
 Я вѣренъ буду старинѣ.

XXIX.

Неправильный, небрежный лепеть,
 Нешочный выговоръ рѣчей,

Попрежнему сердечный препенъ
Произведущъ въ груди моей;
Раскаяшся во мнѣ нѣшъ силы,
Мнѣ галлицизмы будушъ милы,
Какъ прошлой юности грѣхи,
Какъ Богдановича стихи.

Но полно. Мнѣ пора заняшся
Письмомъ красавицы моей;
Я слово даль, и чпожь? ей ей
Теперь гошовъ ужъ отказашся.
Я знаю: нѣжнаго Парии
Перо не въ модѣ въ наши дни.

XXX.

Пѣвецъ Пировъ и груспи помной,
Когдабъ еще шы былъ со мной,
Я спаль бы просьбою нескромной
Тебя превозишь, милый мой:

Чшобъ на волшебные напѣвы
 Переложилъ шы спрасшной дѣвы
 Иноплеменные слова.
 Гдѣ шы? приди: свои права
 Передаю шебѣ съ поклономъ...
 Но посреди печальныхъ скаль,
 Ошвыкнувъ сердцемъ ошъ похваль,
 Одинь, подь Финскимъ небосклономъ,
 Онъ бродишь, и душа его
 Не слышитъ горя моего.

XXXI.

Письмо Ташьяны предо мною;
 Его я свяшо берегу,
 Читаю съ шайною шоскою.
 И начишашья не могу.
 Кшо ей внушаль и эшу нѣжность,
 И словъ любезную небрежность?

Кто ей внушал умильный вздор,
 Безумный сердца разговор
 И увлекашелейный и вредный?
 Я не могу понять. Но вошь
 Неполный, слабый переводъ,
 Съ живой картины списокъ блѣдный,
 Или разыгранный Фрейшицъ
 Персами робкихъ ученицъ.

Письмо Татьяны къ Онѣгину.

Я къ вамъ пишу — чего же боль?
 Чшо я могу еще сказать?
 Теперь, я знаю, въ вашей воль
 Меня презрѣемъ наказать.
 Но вы, къ моей несчастной долѣ
 Хошь каплю жалоспи храня,
 Вы не оставите меня.
 Сначала я молчать хошѣла;

Повѣрьте: моего спыда
Вы не узналибъ никогда,
Когдабъ надежду я имѣла
Хоть рѣдко, хоть въ недѣлю разъ
Въ деревнѣ нашей видѣшь васъ,
Чтобъ шолько слышашъ ваши рѣчи,
Вамъ слово молвишь, и попомъ
Все думашъ, думашъ объ одномъ
И день и ночь до новой встрѣчи.
Но говорящъ, вы нелюдимъ;
Въ глуши, въ деревнѣ все вамъ скучно,
А мы... ничѣмъ мы не блещимъ,
Хоть вамъ и рады просподушно.

Зачѣмъ вы посѣщили насъ?
Въ глуши забышаго селенья,
Я никогда не зналабъ васъ,
Не зналабъ горькаго мученья.

Души неопытной волнеья,
Смиривъ со временемъ (какъ знать?),
По сердцу я нашла бы друга,
Была бы вѣрная супруга
И добродѣтельная мать.

Другой!... Нѣтъ, никому на свѣтъ
Не опдала бы сердца я!
То въ вышнемъ суждено совѣтъ...
То воля неба: я швоя;
Вся жизнь моя была залогомъ
Свиданья вѣрнаго съ шбой;
Я знаю, шы мнѣ посланъ Богомъ,
До гроба шы хранишель мой...
Ты въ сновидѣньяхъ мнѣ являлся,
Незримый, шы мнѣ былъ ужъ миль,
Твой чудный взглядъ меня шомилъ,
Въ душѣ швой голосъ раздавался.

Давно... нѣшь, эшо быль не сонъ!
Ты чупь вошелъ, я вмигъ узнала,
Вся обомѣла, запымала
И въ мысляхъ молвила: вошь онъ!
Не правдаль! я шебя слыхала:
Ты говорилъ со мной въ пиши,
Когда я бѣднымъ помогала,
Или молишвой услаждала
Тоску волнуемой души?
И въ эшо самое мгновенье
Не шы ли, милое видѣнье,
Въ прозрачной шемношѣ мелкнулъ,
Приникнуль шихо къ изголовью?
Не шы ль, съ опрадой и любовью,
Слова надежды мнѣ шепнулъ?
Кшо шы: мой Ангель ли хранишель,
Или коварный искусшель:
Мои сомнѣнья разрѣши.

Бышь можешь, это все пустое,
Обманъ неопытной души!

И суждено совсѣмъ иное....

Но такъ и бышь! Судьбу мою

Опнынѣ я шебѣ вручаю,

Передъ шобою слезы лью,

Твоей зашпы умоляю...

Вообрази: я здѣсь одна,

Никшо меня не понимаешь,

Разсудокъ мой изнемогаетъ,

И молча гибнушь я должна.

Я жду шебя: единымъ взоромъ

Надежды сердца оживи,

Иль сонъ шяжелый перерви,

Увы, заслуженнымъ укоромъ!

Кончаю! спрашно перечешть...

Спыдомъ и спрахомъ замираю...

Но мнѣ порукой ваша честь,
И смѣло ей себя ввѣрю...

XXXII.

Ташьяна по вздохнешь, по охнешь;
Письмо дрожишь въ ея рукѣ;
Облашка розовая сохнешь
На воспаленномъ языкѣ.
Къ плечу головушкой склонилась.
Сорочка легкая спустилась
Съ ея прелестнаго плеча.
Но вошь ужь луннаго луча
Сіянье гаснешь. Тамъ долина
Сквозь парь яснеешь. Тамъ пошокъ
Засеребрился; шамъ рожокъ
Паспушій будишь селянина.
Вошь ушро; всшали всѣ давно:
Моей Ташьянѣ все равно.

XXXIII.

Она зари не замѣчаетъ,
 Сидишь съ поникшею главою
 И на письмо не напираешь
 Своей печашаи вырѣзной.
 Но, дверь шихонько опширая,
 Ужь ей Филиппевна сѣдая
 Приносишь на поднось чай.
 « Пора, дитя мое, вспавай:
 Да шы, красавица, гошова!
 О пшашка ранняя моя!
 Вечоръ ужь какъ боялась я?
 Да, слава Богу, шы здорова!
 Тоски ночной и слѣду нѣшь,
 Лице швое какъ маковъ цвѣшь. »

XXXIV.

— Ахъ! няня, сдѣлай одолженье —
 « Изволь, родная, прикажи. »

— Не думай... право... подозрѣнье...
 Но видишь... Ахъ! не опскажи. —
 « Мой другъ, вошь Богъ шебъ порука. »
 — И такъ пошли психонько внука
 Съ запиской эшой къ О... къ шому
 Сосѣду... да вельшь ему —
 Чшобъ онъ не говорилъ ни слова,
 Чшобъ онъ не называль меня... —
 « Кому-же, милая моя?
 Я нынче спала безполкова,
 Кругомъ сосѣдей много есть;
 Куда мнѣ ихъ и перечесшь. »

XXXV.

— Какъ недогадлива ты, няня! —
 « Сердечный другъ, ужъ я спара,
 Спара; шупъешь разумъ, Таня;
 А то, бывало, я воспра,

Бывало, слово барской воли... »

— Ахъ, няня, няня! до шого-ли?

Чшо нужды мнѣ въ швоемъ умѣ?

Ты видишь, дѣло о письмѣ

Къ Онѣгину. — « Ну дѣло, дѣло.

Не гнѣвайся, душа моя,

Ты знаешь, непоняшна я..

Да чшожь шы снова поблѣднѣла? »

— Такъ, няня, право ничего.

Пошли же внука своего. —

XXXVI.

Но день прошекъ, и нѣшь отвѣта.

Другой наспаль: все нѣшь, какъ нѣшь.

Блѣдна, какъ шѣнь, съ ушра одѣша,

Ташьяна ждешъ: когдажь отвѣтъ?

Пріѣхаль Ольгинь обожащель.
Скажише : гдѣ же вашъ пріѣшель ?
Ему вопросъ хозяйки быль ;
Онъ чшо-шо насъ совсѣмъ забыль.
Ташьяна, вспыхнувъ, задрожала.
Сегодня бышь онъ обѣщаль ,
Спарушкѣ Ленской опшвѣчалъ ,
Да видно почпа задержала.
Ташьяна пошупила взоръ ,
Какъ будшо слыша злой укоръ.

XXXII.

Смеркалось ; на столъ блиспая
Шипѣль вечерній самоваръ ,
Кипайскій чайникъ нагрѣвая ;
Подъ нимъ клубился легкій паръ.

Разлишый Ольгиной рукою,
 По чашкамъ темною спруею
 Уже душистой чай бѣжалъ,
 И сливки мальчикъ подавалъ;
 Тапьяна предъ окномъ спояла,
 На спекла хладныя дыша,
 Задумавшись, моя душа
 Прелеснымъ пальчикомъ писала
 На опуманенномъ спеклѣ
 Завѣшный вензель *О* да *Е*.

XXXVIII.

И между тѣмъ, душа въ ней ныла
 И слезъ былъ полонъ шомный взоръ.
 Вдругъ шопощь!... кровь ея заспыла.
 Вопь ближе! скачущь... и надворъ
 Евгений! « Ахъ! » и легче шѣни
 Тапьяна прыгъ въ другія сѣни

Съ крыльца на дворъ , и прямо въ садъ ,
 Лешипь , лешипь ; взглянушь назадъ
 Не смѣешь ; мигомъ обѣжала
 Курпины , моспики , лужокъ ,
 Аллею къ озеру , лѣсокъ ,
 Кусты сирень переломала ,
 По цвѣтникамъ лешя къ ручью
 И задыхаясь , на скамью

XXXIX.

Упала...

« Здѣсь онъ ! здѣсь Евгений !

О Боже ! что подумалъ онъ ! »
 Въ ней сердце полное мученій
 Хранишь надежды темный сонъ ;
 Она дрожитъ и жаромъ пышитъ ,
 И ждешь : нейдетъ ли ? Но не слышитъ .

Въ саду служанки, на грядяхъ,
 Сбирали ягоду въ кустахъ
 И хоромъ по наказу пѣли
 (Наказъ, основанный на шомъ,
 Чтобъ барской ягоды шайкомъ
 Уста лукавыя не фли,
 И пѣньемъ были заняшы:
 Запѣя сельской оспрошы!).

Пѣсня двѣушекъ.

Дѣвицы, красавицы,
 Душеньки, подруженьки,
 Разыграйшесь, дѣвицы,
 Разгуляйшесь, милыя!
 Запьяните пѣсенку,
 Пѣсенку завѣшную,

Заманише молодца
 Къ хороводу нашему.
 Какъ заманимъ молодца,
 Какъ завидимъ издали,
 Разбѣжимшесь, милыя,
 Закидаемъ вишеньемъ,
 Вишеньемъ, малиною,
 Красною смородиной.
 Не ходи подслушивать
 Пѣсенки завѣшныя,
 Не ходи подсмащивашь
 Игры наши дѣвичьи.

XL.

Онъ поюшь, и съ небреженьемъ,
 Внимая звонкой голосъ ихъ,
 Ждала Ташьяна съ нешерпѣньемъ,
 Чшобъ прещепъ сердца въ ней зашихъ,

Чтобы прошло ланишь пыланье,
Но въ персяхъ шже шрепешанье,
И не проходишь жаръ ланишь,
Но ярче, ярче лишь горить.
Такъ бѣдный мошылекъ и блещеть
И бьешся радужнымъ крыломъ,
Плѣненный школьнымъ шалуномъ;
Такъ зайчикъ въ озими шрепещеть,
Увидя вдругъ издалека
Въ кусты припадашаго шрѣлка.

XLI.

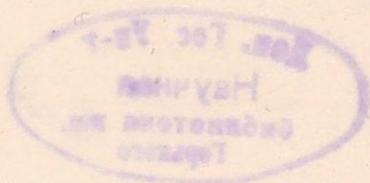
Но наконецъ она вздохнула
И всшала со скамьи своей;
Пошла, но шолько повернула
Въ аллею; прямо передъ ней,
Блissing взорами, Евгенийъ
Стоишь подобно грозной шѣни,

И какъ огнемъ обожжена
Остановилася она.
Но слѣдствія неожиданой встрѣчи
Сегодня, милые друзья,
Перескажашь не въ силахъ я;
Мнѣ должно послѣ долгой рѣчи
И погуляшь и опдохнешь :
Докончу послѣ какъ нибудь.

[75 P]

1916

71910
C17617

Продается въ С. Петербургѣ,
во всѣхъ книжныхъ лавкахъ, по
пяти рублей за экземпляръ.
За пересылку въ другіе города
прилагается 80 копѣекъ.